

9 Вер. «Москва», 1976, 8 мая
ЗАВТРА-ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ

КОНЦЕРТ В РЕЙХСТАГЕ

Нина МИХАЛОВСКАЯ,
заслуженная артистка РСФСР

ДЕНЬ 5 мая 1945 года был ясный и солнечный, и на куполе Берлинского рейхстага развевалось и трепетало на весеннем ветру алое знамя. Впервые за всю войну я увидела как бы зримый символ нашей Победы. Кругом еще пылали пожары, ветер порой доносил залпы орудий и одиночные винтовочные выстрелы, но все мы чувствовали, знали, что с проклятым гитлеровским фашизмом покончено раз и навсегда.

На площади перед рейхстагом меня познакомили с его комендантом полковником Ф. Зинченко и капитаном С. Неустроевым, чей батальон первым ворвался в рейхстаг. Узнав, что я актриса да еще из Москвы, полковник Зинченко попросил меня выступить с концертом сейчас, здесь, в этом здании. В первую минуту я растерялась, даже испугалась: какой концерт, когда рейхстаг еще дымится! Но меня так принялись уговаривать, что отказаться было невозможно. Пишу это, не боясь упрека в нескромности, ибо точно так же уговаривали бы любого другого артиста, окажись он на моем месте.

Через некоторое время поднимаемся по широкой, засыпанной известкой лестнице на второй этаж рейхстага. Откуда-то снизу, из подвалов, клубится дым, остро пахнет гарью. Некоторые ступени разбиты, и офицеры

помогают мне перешагивать через них.

И вот перед нами бывший Коронационный зал. Много он видел помпезных торжеств, празднеств, шествий. Как сегодня все это далеко, нереально, словно из другого мира! От прежнего великолепия нет и следа: разбитые стены, взорванные куски бетонных перекрытий, торчащие балки. Все окна выбиты, всюду хаос и разрушение. И только в левом углу зала стоит поцарапанная пульями мраморная статуя Вильгельма Первого Завоевателя. Вряд ли думал этот надменный «завоеватель», что его скульптурное изваяние окажется когда-нибудь в поверженном Берлинском рейхстаге.

Справа от входа вижу три больших ящика из-под снарядов, поставленных один на другой. Догадываюсь, что это моя «концертная эстрада». Чь-то бережные руки помогают мне взобраться на ящики.

Сверху мне хорошо видно, как в этот необычный концертный зал со всех сторон сходятся бойцы. Многие идут, поддерживая друг друга или опираясь на палки. Мне видны их почерневшие лица, перебинтованные головы и руки. Совсем недавно здесь шли ожесточенные бои за каждый метр, за каждую ступеньку...

Стою под сотнями устремленных на меня глаз и мучительно думаю: с чего начинать, что читать в этих необыкновенных условиях?

И решаю: начинать надо с глав А. Толстого

из романа «Война и мир». Глав, посвященных окончанию войны 1812 года, воспевающих необоримый дух русского войска.

В притихшем зале звучат бессмертные строки:

«Не та победа, которая определяется... пространством, на котором стояли и стоят войска, а победа нравственная, та, которая убеждает противника в нравственном превосходстве своего врага и в своем бессилии, была одержана русскими под Бородиным...».

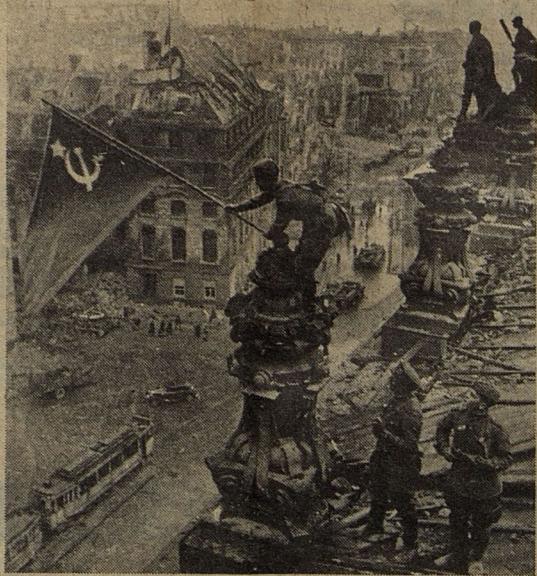
Читаю и думаю: будто сегодня написаны эти слова! Написаны про тех, кто сидит сейчас в бывшем Коронационном зале Берлинского рейхстага.

И едва переждав аплодисменты, я перехожу к главам пушкинской «Метели», также относящимся к эпохе 1812 года:

«Междуречье войны со славою была кончена. Полки наши возвращались из-за границы. Народ бежал им навстречу... Офицеры, ушедшие в поход почти отроками, возвращались, возмужав на бранном воздухе, обвешанные крестами. Солдаты весело разговаривали между собой, вмешивая поминутно в речь немецкие и французские слова. Время незабвенное! Время славы и восторга!...».

Мне трудно описать, что творилось в зале. Бойцы поднялись со своих мест, аплодировали.

Потом, я помню, читала произведения А. Чехова и Л. Ленча. Кстати, военные рассказы этого писателя

любили на фронте. И здесь, в рейхстаге, очень понравились ленчевские рассказы «Случай на шоссе», «Красная гвоздика» и в особенности «Как я за своего мужа второй раз замуж вышла».

После концерта капитан Неустроев познакомил меня с двумя молоденькими сержантами.

— Вот они, наши герои, которые под огнем врага пронесли Знамя Победы и водрузили его на куполе рейхстага. Знакомьтесь: это — Михаил Егоров, а это — Милионтон Кантария.

Смотрю я на Егорова и Кантарию и говорю:

— Товарищи, дорогие, но как же вы прошли туда? Ведь вас каждую минуту могли убить!

Егоров улыбается и показывает на мраморную статую Вильгельма:

— Вот этот «завоеватель» помог мне, спас, можно сказать, жизнь. Я поздно заметил фашистского автоматчика, и единственное, что успел сделать, — это отскочить, спрятаться за скульптуру. Так что очередь полоснула по Вильгельму...

Егоров смеется, как будто речь идет о чем-то очень забавном. А потом вдруг говорит:

— Если вы не боитесь высоты, пойдемте,

покажем вам с Милитоном весь наш путь, по которому мы пронесли знамя.

Высоты я, конечно, побаиваюсь, но говорить об этом не стала, и мы пошли. Егоров шел впереди, протягивая мне руку, когда надо было перепрыгнуть через разбитые ступени или перешагивать через широкие пролеты.

И вот мы у самого купола рейхстага. Внизу, сколько хватает глаз, лежит черный, разбитый, поверженный Берлин. Город еще горит, дым и пожары отражаются в темных водах реки Шпрее. А прямо перед нами, совсем близко, на фоне синего майского неба вается и полошется наше алое Знамя Победы!

Такие минуты незабываемы...

Когда я уезжала, полковник Зинченко вручил мне отзыв о концерте. Там было сказано:

«Вы — первая артистка, приехавшая к нам с нашей дальней Родиной. Бойцы и офицеры, герои боев за рейхстаг, сердечно благодарят Вас, Нина Валериановна, за концерт, за доставленную радость».

Дорог, бесконечно дорог мне этот отзыв, написанный на листке, вырванном из блокнота...